

Тан Чжао была удивлена таким внезапным объятием, чувствуя, как тело Минды слегка дрожит, а её руки сжимают с чрезмерной силой. Она смогла понять, что Минда переживает сильное волнение. Сделав глубокий вдох, она легонько похлопала Минду по спине и произнесла:

— Всё в порядке, я вернулась. Не волнуйся, Минда.

Однако Минда не отпускала её, продолжая крепко держать, уткнувшись лицом в плечо Тан Чжао. Со временем Тан Чжао почувствовала, как её плечо становится слегка влажным, и, слегка отстранившись, она увидела, что глаза Минды покраснели от слёз.

Маленькая принцесса была избалованной и привязчивой, иногда используя слёзы, чтобы вызвать сочувствие, но сейчас она плакала так искренне, что Тан Чжао увидела это впервые. Она испугалась, подумав, что за ночь что-то произошло, и, схватив Минду за руки, спросила:

— Минда, что случилось? Почему ты плачешь? Кто-то тебя обидел?

Слёзы Минды лились без остановки, одной рукой она крепко держалась за край одежды Тан Чжао, выглядев при этом крайне жалко. Тан Чжао почувствовала боль в сердце и беспокойство, пока Минда не протянула руку, раскрыв ладонь.

На её белой ладони лежал засохший травяной кузнечик с тёмными пятнами, выглядевший зловеще.

Тан Чжао на мгновение замерла, узнав кузнечика, которого она сама сплела. Она с недоумением нахмурилась:

— Это тот, что я тебе недавно подарила? Почему он так быстро засох и почему эти странные пятна?

Затем, поняв, что это может расстроить Минду, поспешила добавить:

— Если тебе нравятся такие, я могу сплести ещё, не нужно из-за этого плакать.

Слёзы Минды продолжали капать, но она наконец заговорила:

— Нет, это не тот кузнечик, что ты мне недавно подарила. Я нашла его в маленькой коробочке.

Услышав это, Тан Чжао вспомнила о той коробочке, которую Минда всегда носила с собой, но которую она сама не решалась открыть. Оказалось, что в этой коробочке, которую Минда так бережно хранила, лежал этот маленький предмет.

Тан Чжао моргнула, всё ещё ощущая знакомость кузнечика, но не могла вспомнить, откуда он взялся. Ведь в прошлом она дарила Минде не одного кузнечика, и где они все теперь — неизвестно. Однако тёмные пятна на этом кузнечике вызывали у неё неприятные чувства.

Погружённая в размышления, Тан Чжао внешне оставалась спокойной:

— Тогда почему ты плачешь?

Она продолжала вытирать слёзы Минды, её взгляд был мягким и полным заботы, словно одно её прикосновение могло утешить кого угодно.

Под её лаской Минда наконец перестала плакать, её покрасневшие щёки выглядели ещё более трогательными. Она слегка наклонила голову, прижавшись щекой к ладони Тан Чжао, и произнесла:

— Я не знаю, но, глядя на этого кузнечика, я чувствую такую грусть.

Она замолчала, а затем добавила:

— Мне кажется, что я забыла многое, много важного.

Тан Чжао слегка пошевелила пальцами, не комментируя слова Минды, но её взгляд снова упал на уродливого кузнечика. После долгих раздумий она вспомнила, что перед своей смертью в прошлой жизни сплела кузнечика, чтобы подарить его Минде, которая потеряла отца.

Теперь, глядя на тёмные пятна на кузнечике, она догадалась, что это было.

Не зная, что чувствовать, Тан Чжао вдруг спросила:

— Тебе очень грустно?

Минда, не задумываясь, кивнула и указала на своё сердце:

— Да, мне очень грустно. Перед твоим возвращением я всё время боялась, что ты не вернёшься... Хорошо, что ты вернулась, Атин брат.

Говоря это, Минда внимательно осмотрела Тан Чжао и заметила, что та, кроме усталости от бессонной ночи, не имела ни капли крови на себе. Она выглядела спокойной, словно просто вернулась с прогулки.

Тан Чжао снова замолчала, а затем спросила:

— Минда, ты... ничего не вспомнила?

Минда покачала головой, но затем вспомнила что-то и потянула Тан Чжао в комнату:

— Я ничего не помню, но, Атин брат, пойдём, я хочу кое-что тебе показать.

Тан Чжао послушно последовала за ней и, войдя в комнату, сразу увидела развёрнутый свёрток на столе, понимая, что именно Минда хотела ей показать.

Минда подвела её к столу и указала на жетон и печать:

— Атин брат, посмотри, жетон для вызова войск и печать старшей принцессы... Почему старшая принцесса?

Тан Чжао, глядя на Минду, молчала некоторое время, а затем произнесла:

— Минда, ты многое забыла. Хочешь, чтобы я тебе рассказала?

Для человека, вернувшегося из мёртвых, время после смерти не имеет значения. Десять или двадцать лет для неё — всего лишь мгновение. Поэтому за эти десять лет произошло многое, о чём Тан Чжао знала лишь в общих чертах, и только сами участники событий могли знать всё в деталях.

Рассказ Тан Чжао был краток — десять лет уместились в её словах менее чем за четверть часа.

Минда одной рукой крепко держала Тан Чжао, словно хватаясь за спасательный круг, а другой подпирала подбородок, слушая её рассказ...

Она рассказывала об их помолвке десять лет назад, о смерти покойного императора и о дворцовом перевороте, который унёс жизнь Сун Тина. Затем время быстро перенеслось на десять лет вперёд, и она рассказала о том, как старшая принцесса стала важной фигурой при дворе, как она обрела власть и как усердно трудилась — для старшей принцессы жетон для вызова войск был естественным атрибутом.

В конце Тан Чжао сказала:

— Я не знаю, почему ты внезапно покинула столицу и отправилась инспектировать Маочжоу, как попала в засаду тех наёмников. Но твои раны заживают, и скоро ты полностью поправишься. Из Пинляна тоже выслали людей для поиска тебя, но я не стала сообщать о твоём местонахождении. Теперь я рассказала тебе всё, что знаю, и дальнейшее решение остаётся за тобой.

Тан Чжао изложила всё объективно, но кое-что упустила. Например, о существовании Сун Чжэня, о их прошлых разногласиях и о тайнах семьи Тан.

Первые два пункта могли лишь вызвать недовольство, а последний... Если бы Минда всё ещё была той проницательной старшей принцессой, Тан Чжао, возможно, рассказала бы ей о делах семьи Тан, но сейчас, когда всё так запутанно, в этом не было необходимости.

Тем не менее, рассказ Тан Чжао переполнил голову Минды. Она смутно помнила некоторые вещи, но воспоминания были словно за туманом, и она не могла их ясно разглядеть.

Однако одно Минда понимала точно: если бы она действительно обладала такой властью и была опорой для императора, она бы не покинула столицу ради мелких дел на местах и не позволила бы себе оказаться в опасности. А её путешествие на юго-запад... Глядя на Тан Чжао, она не могла отрицать, что это было связано с ней.

Подавив эти мимолётные мысли, Минда растерянно спросила:

— Ты говоришь, что отец умер десять лет назад?

Покойный император очень любил Минду, что и сделало её такой избалованной. Когда он умер, Минда долго горевала, каждый день плача, что вызывало боль у Сун Тина. Теперь, когда эта тема снова всплыла, она сильно ударила по потерявшей память Минде, и её глаза снова наполнились слезами, заставив Тан Чжао снова утешать её.

В конце Минда не заплакала, но, обняв руку Тан Чжао, спросила:

— Я не помню, что происходило в Маочжоу, но раз уж я здесь, нужно всё осмотреть. И те, кто ищет меня из императорской гвардии... Атин брат, ты пойдёшь со мной?

В этот момент Минда выглядела робкой, словно молодое животное, внезапно оказавшееся в незнакомом месте, полное растерянности и страха перед будущим.

<http://bllate.org/book/15453/1371009>